

7. Иванов, Е. Е. Общность задач преподавания русского и иностранных языков белорусам (в аспекте межкультурной коммуникации) / Е. Е. Иванов // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте : сб. науч. статей / под ред. Е. Е. Иванова. – Могилев : МГУ имен А. А. Кулешова, 2012. – С. 3–7.
8. Иванов, Е. Е. Русско-белорусский паремиологический словарь / Е. Е. Иванов, В. М. Мокиенко. – Могилёв : МГУ им. А. А. Кулешова, 2007. – 242 с.
9. Иванов, Е. Е. Типы межъязыковых сходств и различий паремиологических единиц / Е. Е. Иванов, Н. К. Романова // Acta Albaruthenica, Rossica, Polonica VII : зб. навук. арт. / пад рэд. Г. М. Мезенка. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2006. – С. 161–164.
10. Лю, Тинтин. Китайско-белорусский словарь пословиц с русскими соответствиями / Лю Тинтин, Е. Е. Иванов // Традиционная духовная культура восточнославянских и китайского народов. – Гомель : ГГУ, 2021. – С. 114–119.
11. Лю, Тинтин. Национально-культурная семантика китайских народных устойчивых изречений в лингвострановедческом аспекте (при преподавании китайского языка как иностранного русскоговорящим) / Лю Тинтин, Е. Е. Иванов // Традиционная духовная культура восточнославянских и китайского народов. – Гомель : ГГУ, 2017. – С. 71–73.
12. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1023 с.
13. Паремиология без границ / под ред. М. А. Бредиса, О. В. Ломакиной. – М. : Изд-во РУДН, 2020. – 244 с.
14. Паремиология в дискурсе / под ред. О. В. Ломакиной. – М. : Ленанд, 2015. – 304 с.
15. Паремиология на перекрестках языков и культур / под ред. Е. Е. Иванова, О. В. Ломакиной. – М. : Изд-во РУДН, 2021. – 246 с.
16. Петрушевская, Ю. А. Универсальное и национальное в паремиологической системе языка (на материале английского и белорусского языков) / Ю. А. Петрушевская // Acta Germano-Slavica. – 2015. – Вып. 6. – С. 213–216.
17. Устойчивые сравнения в системе фразеологии : коллективная монография / отв. ред. В. М. Мокиенко. – СПб. : СПбГУ : ЛЕМА ; Greifswald : E.M.A.-Universität, 2016. – 277 с.
18. Фрумкина, Р. М. Цвет, смысл, сходство / Р. М. Фрумкина. – М. : Наука, 1984. – 278 с.
19. Ivanov, E. Paremiological Minimum and Basic Paremiological Stock (Belarusian and Russian) / E. Ivanov. – Prague : RSS, 2002. – 136 p.
20. Ivanov, E. E. Principles of the Contrastive Description of Aphoristic Paremiology (in Belarussian and Russian Languages) / E. E. Ivanov, V. L. Feldman // Acta Germano-Slavica. – 2007. – Вып. 1. – С. 85–97.
21. Petrusheuskaya, Y. Linguistic universals and paremiological fund of the language / Y. Petrusheuskaya // Herald of Polotsk State University. Series A. Humanity Science. – 2019. – № 2. – Pp. 115–121.
22. 温端政, 中国谚语大全. 全两卷. 上海辞书出版社, 2004年. 总页数 2386页. (Вэнь, Дуаньяжэн. Сборник китайских народных речений, пословиц и поговорок / Дуаньяжэн Вэнь. – Шанхай : Shanghai Dictionary Publishing House, 2004. – 2386 с.).

ПРИЕМЫ СОЗДАНИЯ ЭФФЕКТА ОБМАНУТОГО ОЖИДАНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ВИКТОРИИ ТОКАРЕВОЙ

О. Е. Горбацевич (Минск, Беларусь)

Сюжет художественного произведения, как правило, развивается по законам реальной жизни, а это значит, что, обладая определённым опытом, читатель старается установить причинно-следственные связи между явлениями, предугадать логическую последовательность событий, сделать какие-то выводы об особенностях или характерах персонажей, их

внешности, привычках, жизненных установках. Но иногда читателя поджидает неожиданность: логика очевидных причинно-следственных связей намеренно нарушается, появляется совершенно непредсказуемый поворот событий, странное разрешение ситуации. Подобная структура повествования создаёт эффект обманутого ожидания (термин Р. Якобсона). С точки зрения стилистики эффект обманутого ожидания представляет собой особую структуру текста, когда составляющие его части логически не связаны друг с другом, когда читатель не в состоянии предугадать последующую часть, так как нет логической связи между последующим и предыдущим. Средством стилистической актуализации становится способ нарушения предсказуемости. Наиболее яркими стилистическими приёмами создания эффекта обманутого ожидания являются такие стилистически маркированные элементы, как антитеза, зевгма и каламбур.

Цель данного исследования – выявление особенностей функционирования зевгмы и каламбура в художественных произведениях Виктории Токаревой как приёмов создания эффекта обманутого ожидания.

По мнению Э. М. Береговской, зевгма является «самой лапидарной формой реализации эффекта обманутого ожидания» [1, с. 61].

Зевгма как риторическая фигура известна с времён Античности, где она не была связана с нарушением логических и смысловых связей слов в предложении, а представляла собой синтаксический приём, связанный с экономией языковых средств. Его суть проявлялась в отсутствии повтора, когда слово, связанное с однотипными синтаксическими конструкциями или несколькими разными словами, используется в данном отрезке текста только один раз. Такое понимание зевгмы тесно связано с грамматическим понятием неполного предложения с опущенным сказуемым (чаще всего), которое легко восстанавливается из предыдущего или последующего отрезков текста. Например: *Он меняет «мерседесы» и плащи в зависимости от времени года. Весной белый плащ, осенью зелёный. Машина в цвет плаща* [3, с. 34]; *Она всем открывалась по-разному. Как рояль пианисту* [3, с. 35].

В зависимости от позиции сказуемого выделяется протозевгма, мезозевгма и гипозевгма [2, с. 182]. Для произведений В. Токаревой, как и для произведений большинства русскоязычных авторов, в приоритете находится протозевгма, когда сказуемое обозначается в начале зевгмы. В таком понимании зевгма близка к другой фигуре речи – эллипсису. Например: *На мне – розовые туфли с белой вставкой* [3, с. 38]; *А внутри меня – сквозняк. Пустота, в которой свищет ветер* [3, с. 50].

Другое понимание зевгмы, наиболее востребованное сегодня, это фигура речи, построенная на основе контраста, семантического конфликта, основанного на нарушении некоего логического тождества. То есть зевгма строится на основе конфликта синтаксиса и семантики и представляет собой ряд синтаксически однородных членов, которые с точки зрения семантики не производят впечатления тождественных элементов. Таким образом, зевгма является стилистической фигурой, которая синтаксически объединяет семантически несовместимые слова (члены предложения). Это широкое понимание зевгмы даёт возможность рассматривать её в рамках особых разновидностей каламбура, алогичных сочетаний и силлепса (термин, который часто используется как синоним зевгмы).

Некоторые авторы в качестве механизма создания зевгмы видят любую окказиональную последовательную связь. Например: *Я – типичная шестидесятница: причёска «Бабетта», юбка-колокол, талия, смех без причины, уверенность в завтрашнем дне* [3, с. 40]; *Я хочу квартиру, хочу пальто, хочу, чтобы моё имя мелькало на слуху* [3, с. 37].

Обычно зевгма базируется на основе предиката, который способен образовывать синтаксические связи как минимум с двумя (или значительно более) однородными синтаксически, но разнородными семантически членами предложения. Например: *Зам только что приехал с Севера и с жадностью поглощал столичную жизнь, как то: пил, искал высокую любовь, на-*

ходил, терял, снова пил, попал в милицию, неуважительно отзывался о Брежневе и писал замечательные книги [3, с. 45].

В качестве основы зевгмы, кроме спрягаемого глагола, в русском языке могут быть и другие части речи: прилагательное, существительное, наречие, глагольные неспрягаемые формы. Например: *Она растила сына, а сыну нужны папа и мама и чёрная икра* [3, с. 84]; *Она живёт лучше меня. У неё муж генерал с генеральской зарплатой и норковый берет с норковым шарфом* [4, с. 9]; *Мне кажется: оттуда, из кино, – прямая дорога на афиши, на деньги, на новое пальто* [3, с. 37].

Паратактические ряды образуются существительными, глаголами, разнородными синтаксическими конструкциями. Например: *Катрин была разграблена предыдущей любовью. В ней тогда ничего не рождалось: ни сюжетов, ни детей, ни чувств* [3, с. 70]; *Я не пила водку, не трясла ногой и приходила в точно назначенное время* [3, с. 76]; *Я снимаю проходную комнату у вдовой генеральши, работаю учительницей музыки, у меня нет пальто* [3, с. 37].

Помимо простой зевгмы, где однородный ряд представлен несочетаемыми словами, выделяют сложную. Сложная зевгма является конструкцией, где однородный по структуре, но разнородный по семантике ряд образуется не словами, а предложениями однородной структуры. Это могут быть простые предложения в составе сложного или отдельные простые предложения, иногда парцелированные, часто эллиптические. Например: *Фаина выбралась из машины постепенно: сначала две сиськи, потом зад, обширный, как у ямщика, а на локоны она наденет норковый берет* [4, с. 8]; *Потом их пути разошлись. Дядя – в тюрьму. Юра – во Всесоюзный институт кинематографии* [3, с. 43]; *Общий вид: плащ дешёвый, шапка не по сезону, туфли практически без подошв. Но зато бриллиант – настоящий. И рукопись – сорок две страницы сплошного таланта* [3, с. 49].

В произведениях В. Токаревой зевгма нередко конвергируется с другими стилистическими приёмами, образуя одно целое, воспринимаемое как новый стилистический приём, создающий особый эмоционально-экспрессивный эффект. Чаще всего зевгма объединяется с антитезой. При этом структура зевгмы может быть различной. Например: *Жизнь превратилась в мясорубку, которая перемалывает всё святое и все базовые ценности* [4, с. 94]; *Маргиналка не хочет быть милой, у неё есть талант, на общий стол она кладёт свой талант. Хорошенькая – красоту. А середняк – цыплят табака и водку, то есть щедрость* [4, с. 150]; *Может быть, мне надо было с самого начала не бриллиант на шею вешать, а маму с собой брать* [3, с. 52]. Иногда зевгма сочетается не только с антитезой, но и с сравнением: *Фаина восседала за столом – огромная, как сидячий бык. При этом у неё были локоны и бархатный голос* [4, с. 5]. Характерным для произведений данного писателя является сочетание зевгмы с градацией. Например: *Я не ушла до тех пор, пока врач не вынес мне рентгеновский снимок и я не убедилась воочию, что снимок чист, прекрасен и даже красив* [4, с. 9].

Зевгма является востребованным и продуктивным стилистическим приёмом, базирующемся на основе конфликта семантики и синтаксиса. Она привлекает писателей возможностью объединять в одной синтаксической конструкции семантически разноплановые слова, создавать неожиданный контраст, эффект непредсказуемости, вызывающий эмоциональные реакции читателя благодаря созданию экспрессивной конструкции, чаще всего создающей комический эффект. Также именно наличие зевгмы иногда заставляет читателя увидеть глубинный смысл высказывания, акцентировать внимание на нужных писателю вещах.

Зевгма всегда показывает, насколько писатель владеет художественным языком. Только намеренно созданная зевгма, имеющая дополнительные смыслы, проявляет себя как средство художественной выразительности. В случае неудачи зевгма является не фигурой речи, а стилистической (синтаксической) ошибкой и говорит о неправильном построении однородного ряда.

Ещё одним приёмом создания эффекта обманутого ожидания является каламбур, схожий с зевгмой функционально и семантически, но имеющий иную структуру. Эта фигура речи базируется на основе полисемии слова. В нём всегда содержится двусмысленность, возникающая в результате объединения в одном контексте разных значений одного и того же слова

или использования сходства звучания разных слов. Например: *Он взял тогда 15 рублей, из них 5 подарил кассирше. Он дарил себя направо и налево. Не жалко [3, с. 33]; Земля, как в нервах, в телефонных проводах. Можно набрать любое сочетание цифр и позвонить в любую квартиру. Позвонить можно. Дозвониться нельзя [4, с. 87].*

Каламбур преследует разные стилистические цели, но чаще – цель создания комического эффекта. Некоторые лингвисты считают, что наличие комического эффекта является обязательной чертой каламбура. Но, на наш взгляд, данная фигура речи нередко имеет глубокий философский смысл. Например: *Для третьих Катерина была несовременна и несвоевременна, как звероящер, заблудившийся в эпохах [3, с. 36].* Умение создавать каламбур является признаком большого писательского таланта.

Таким образом, можно заключить, что ярким признаком художественного стиля Виктории Токаревой является умелое использование эффекта обманутого ожидания, который создаётся не только таким часто присутствующим в произведениях писателя приёмом, как антитеза, но и зевгмой (силлепсом) и каламбуром (игрой слов). Данные приёмы создают не только комический эффект, но и способствуют раскрытию глубинного смысла писательской фразы.

Библиографический список

1. Береговская, Э. М. Проблемы исследования зевгмы как риторической фигуры / Э. М. Береговская // Вопросы языкознания. – 1985. – № 5. – С. 59–67.
2. Приходько, В. Г. Выразительные средства языка / В. Г. Приходько. – М. : Издательский центр «Академия», 2008. – 256 с.
3. Токарева, В. С. Почём килограмм славы: Рассказы и киноповесть / В. С. Токарева. – СПб. : Азбука, 2021. – 224 с.
4. Токарева, В. С. Сволочей тоже жалко: Рассказы, повесть, киносценарий / В. С. Токарева. – СПб., 2021. – 240 с.

К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТЕРМИНА «НЕОЛОГИЗМ»

И. В. Городецкий (Могилев, Беларусь)

Язык постоянно меняется, пополняется новыми словами. Это связано с тем, что лексический состав языка тесно связан с процессами, происходящими в неязыковой действительности. Для того чтобы более адекватно отразить, воспроизвести и закрепить новые идеи и понятия, лексическая подсистема языка все время перестраивается, дифференцируется и порождает новые единицы или новые значения. Такие единицы принято называть неологизмами. Для их изучения и фиксации с течением времени развилось и оформилось специальное направление в языкознании – неология как наука о неологизмах.

Основы теории неологии (наука о неологизмах) были заложены в XIX в. Этому способствовали работы Ф. И. Буслаева, М. М. Покровского, Е. Д. Поливанова, А. А. Потебни, А. М. Селищева, И. И. Срезневского, Л. В. Щербы, Л. П. Якубинского. Формирование неологии как отдельного направления лингвистических исследований относится ко второй половине XX в. и связано с именами С. И. Алаторцевой, А. А. Брагиной, Т. Н. Буцевой, Р. А. Будагова, В. Г. Гака, Е. А. Земской, В. Г. Костомарова, В. В. Лопатина, А. Г. Лыкова, Р. Ю. Намитоковой, И. Ф. Протченко, Е. В. Розена, Е. В. Сенько, Н. И. Фельдмана, Э. Ханпиры и др.

Являясь сравнительно молодым направлением лингвистических исследований, неология имеет ряд ключевых нерешенных вопросов. К таковым относится и определение понятия «неологизм», то есть объекта неологии. По утверждению Л. П. Катлинской, «вопрос о том, что такое неологизм в собственно лингвистическом смысле, по-прежнему остается открытым» [6, с. 33].